

Колыбель искусства

Берта Моризо

— Какие картины послать на выставку? — спросила Берта Моризо у сестры. Эдма плохого не посоветует. Когда-то она и сама прекрасно рисовала. Жаль, что теперь совсем забросила кисть и краски.

Выставка, которую Берта и другие молодые художники собирались устроить в апреле 1874 года, должна была сильно отличаться от Салонов — регулярных официальных художественных выставок, проходивших в Париже почти каждый год. Жюри Салона отрицательно относилось к любому нарушению традиций. «Занудные картинки для жирных тупиц» — называл этот жанр Эдуард Мане, друг Берты. Художников — любимчиков жюри — он обзывал еще грубее.

— Мне не нравится этот мсье Мане!

Мать Берты и Эдмы любила приличных и остроумных молодых людей. И самое главное — «без глупостей и хулиганства». Мадам Моризо часто приглашала вежливых кавалеров к ужину, надеясь, что один из них женится на Берте. Эдма вышла замуж, теперь черед ее сестры. Вот у Эдмы уже двое прелестных малюток!

«В чем же дело? — недоумевала мадам Моризо. — Берта очень хорошенькая. Если б она еще не хмурилась так сильно, когда рисует... Мужчины избегают слишком серьезных женщин. И слишком творческих натур». Мадам Моризо, конечно, понимала, что искусство — это прекрасно. Но для барышни из хорошей семьи

куда важнее радости материнства. И эту мысль она пыталась внушить своим дочерям.

Эдма, однако, была уверена: Берта права, что не бросает живопись. У нее такой талант! Мсье Коро, последний учитель сестер, сразу же разглядел в Берте настоящего художника, будущего большого мастера. Как быстро она научилась писать легкими, почти невесомыми мазками! Как твердо знала, что хочет рисовать — места, где они с Эдмой бывали вместе, портреты родных и друзей.

Глядя на картины Берты, зритель начинал радоваться тому же, чему радовалась она. Семейные пикники, детские игры, любимая книга, которую читаешь, сидя в тени... Берта рисовала те минуты, когда жизнь кажется полной и светлой, когда поток счастья подхватывает тебя и несет за собой.

— Ты знаешь, какая у меня любимая картина, — улыбнулась Эдма. — Портрет Бланш в колыбельке.

Бланш, дочурке Эдмы, исполнилось два года. А ведь будто бы только вчера Берта рисовала ее совсем крохой: она мирно спит, а Эдма сидит рядом и смотрит. В тот день сестра собиралась в гости к друзьям и уже надела нарядный шелковый жакет. У крыльца ждал экипаж. Но Эдма все никак не могла оторваться от колыбельки. Она вовсе не боялась оставить Бланш, просто любовалась дочкой. Ей так не хотелось упустить хоть одно движение, хоть одну гримаску на спящем личике!

Картина Берты привела Мане в полный восторг.

— Как здорово, что вы по-разному написали сестру и ребенка! — воскликнул он. — Вы так тщательно выписали портрет Эдмы, а малышку изобразили эскизно. Сразу видно: новая, хрупкая, только зародившаяся жизнь. И рука Эдмы на колыбельке — у нее даже пальцы задумчивые! Знаете, — Мане засмеялся, — отродно видеть молодую красавицу, которая думает не только о себе!

— Не то что я, правда? — Берта не обижалась на подобные шутки. Мане недавно нарисовал ее саму в умопомрачительном черном платье и с букетом фиалок. В отличие от Эдмы, Берта на портрете так и сверкала глазами на зрителя.

— Я предсказываю, что весь мир искусства будет скоро у твоих ног! — как-то заявил ей Мане.

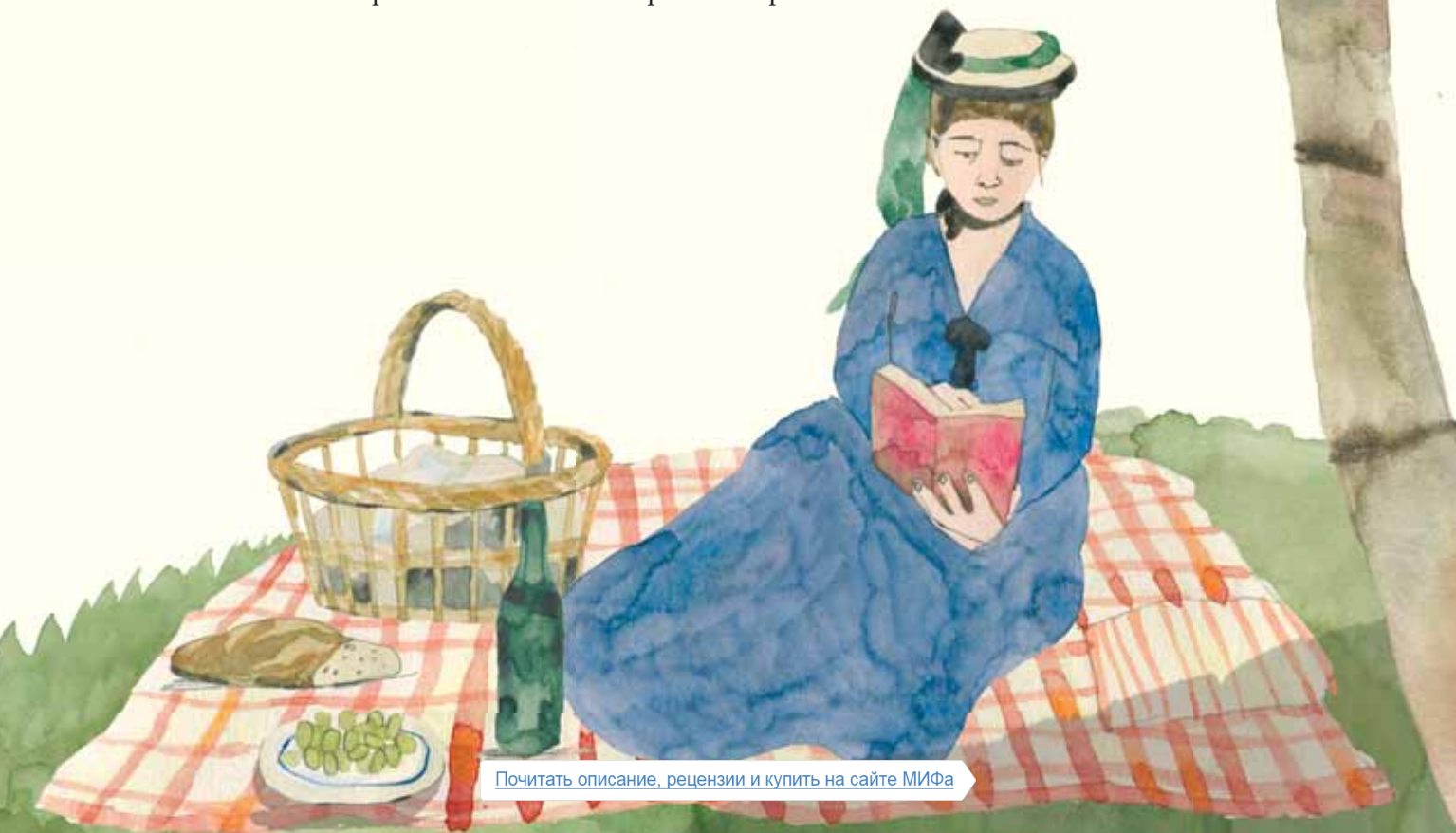
Вскоре после того, как Берта написала «Колыбель», к ней пришел коллекционер Поль Дюран-Рюэль и спросил, нельзя ли купить ее работы — он хочет выставить их в своей галерее. Когда он назвал цену, Берта не поверила своим ушам. Столько не платили ни одному художнику-мужчине, чьи картины висели у Дюран-Рюэля!

У Берты было много общего с другими художниками, которые теперь планировали большую выставку. Все они хотели выражать атмосферу, настроение момента, а не выписывать лица и одежду в мельчайших подробностях. Кому нужны детали — пусть смотрят фотографии! Берта и ее друзья старались передать мимолетные впечатления от самой жизни, от мира вокруг: движение света и тени, игру красок в лучах солнца, колебание воздуха.

— Значит, надо выставить «Колыбель»? — пыталась Берта сестру.

— Предсказываю судьбу, — Эдма смешно и очень похоже передразнила голос Мане. — Скоро ты будешь...

— Перестань! — сказала Берта и покраснела.

Клод Моне
Вокзал Сен-Лазар
1877

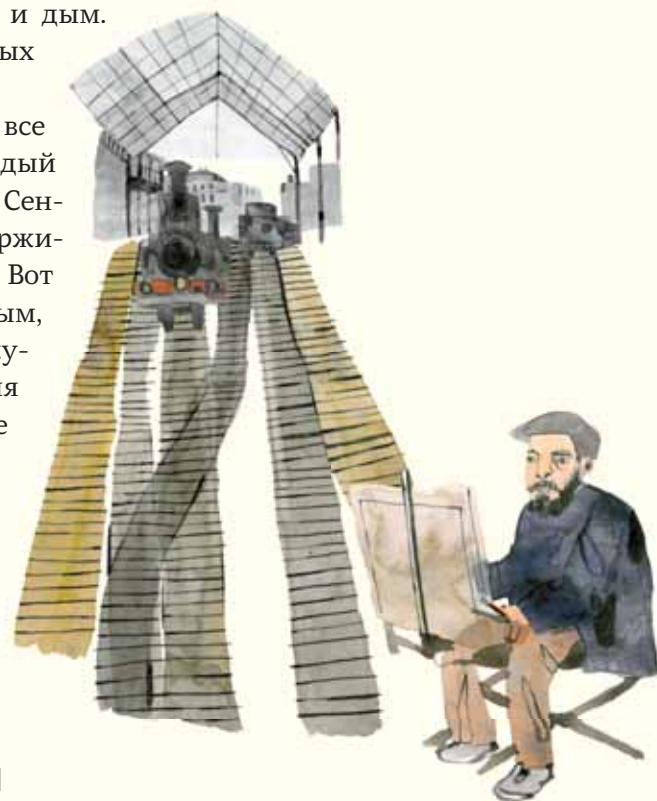
46

Мир за нашей дверью

Клод Моне

— Обо мне вы уже слышали, — сказала Берта Моризо. — А теперь несколько слов о моем друге, Клоде Моне. Сегодня это имя знает каждый. Должна заметить, Клод всегда любил произвести впечатление. Он мне рассказывал, как однажды вломился в кабинет к начальнику вокзала Сен-Лазар. Разоделся в самый лучший костюм и помахивал тростью с золотым набалдашником. Бедняга директор так раскланивался — чуть не переломился пополам! И Моне его убедил погонять поезда туда-сюда, чтобы можно было нарисовать, как они пускают пар и дым. Вообразите — один из самых людных вокзалов Парижа!

Даже если Моне и приврал, я все равно вспоминаю эту историю каждый раз, как вижу его цикл «Вокзал Сен-Лазар». Он тогда работал как одержимый, написал двенадцать картин. Вот здесь мне очень нравится этот дым, который плывет вверх, под самый купол вокзала. И еще — небо и здания на заднем плане. Они такие тихие по сравнению с вокзальной суматохой! Видите, как он подчеркивает блики на рельсах, сверкание стали и стекла? Обратите

[213]

внимание, он работает очень мелкими, быстрыми мазками. Рисовать пейзажи на тихом речном берегу — это хорошо, но Моне хотел доказать, что и вокзал может стать прекрасной натурой. Он истинный художник современности, настоящий импрессионист!

Что это значит — «импрессионист»? Сейчас объясню. Когда мы провели первую совместную выставку в апреле 1874 года — я, Моне и другие художники, — над нашими работами многие смеялись. Но были и такие, кто понял, чего мы хотим добиться и почему наша выставка совсем не похожа на парижский Салон. Наши картины не рассказывали историй. Там не было четко прорисованных деталей. Вместо этого мы пытались передать то чувство, которое возникает при виде людей или предметов. Мы хотели уловить и нарисовать тот момент, когда все соединяется: форма, цвет, движение, игра света и тени — и рождается общее впечатление. «Впечатление. Восходящее солнце» — так Моне назвал свою зарисовку порта в Гавре: туманное утро, красное солнце отражается в воде. Критики стали называть нас «импрессионистами», от французского слова *impression*, впечатление. Название быстро прижилось.

Между нами и художниками Салона было еще одно важное отличие. Они выходили на природу и делали наброски, а потом возвращались в мастерскую и там писали большую картину. Мы же часто ставили мольберт на улице, на открытом воздухе. Вокзал на картине Моне выглядел бы совсем иначе, если бы художник писал его по памяти, а не прямо там, на месте, посреди шума и суматохи. Сказать по правде, Моне буквально одержим этой идеей: рисовать на открытом воздухе, на пленэре. Послушать его — так именно он, Клод Моне, первым повел импрессионистов в атаку. Или, вернее, первым окопался на природе!

Вот вам еще история. В 1866 году, когда Моне был молодым, никому не известным художником, его жена Камилла выглянула из окна и увидела, что муж копает канаву в саду.

— Что, скажи на милость, ты делаешь?! — в ужасе воскликнула она.

— А ты разве не видишь? — прокричал ей муж. — Собираюсь рисовать!

Рисовать огромную картину на улице! Такого не делал еще ни один художник. Моне установил холст на дне канавы. Рядом он поставил лебедку,

чтобы можно было поднимать и опускать полотно, а не карабкаться по лесенке⁵. Он изобразил четырех женщин в саду, одетых в модные летние платья. Моне казалось, что такая картина должна понравиться жюри Салона — в конце концов, они обожают большие полотна, где много фигур! Но члены жюри с недоумением поглядели на его «Женщин в саду». По их мнению, на больших картинах полагалось изображать подвиги, битвы, важные исторические события. «В приеме отказать!» — решили они.

Многие художники опустили бы руки, но только не Моне. Ведь он вырос в портовом городе Гавре, и первым его учителем был Эжен Буден — пейзажист, который часто рисовал на пленэре, под ярким приморским солнцем. Моне считал, что именно в этом будущее живописи. В 1870 году он нарисовал свою жену и мадам Буден на морском берегу. «Вот неряха! У него песок налип на картину!» — часто слышал он возмущенные голоса публики.

Сейчас все изменилось. Моне — один из самых богатых и знаменитых художников Франции. Он купил чудесный дом в живописном местечке Живерни к северо-западу от Парижа и участок земли с небольшой речкой. Моне хочет устроить там сад с каналами, прудом и мостиком в японском стиле. Я уже представляю, как он часами будет разглядывать отражения в воде, перевернутое небо, опрокинутые шатры ивовых веток. Представляю, как он станет рисовать кувшинки, похожие на зеленые облака: они зависли перед нами на секунду, словно клубы дыма на вокзале Сен-Лазар. Вот он — сад художника! Но что-то мне подсказывает: с лопатой Моне будет возиться ничуть не меньше, чем с кистью...

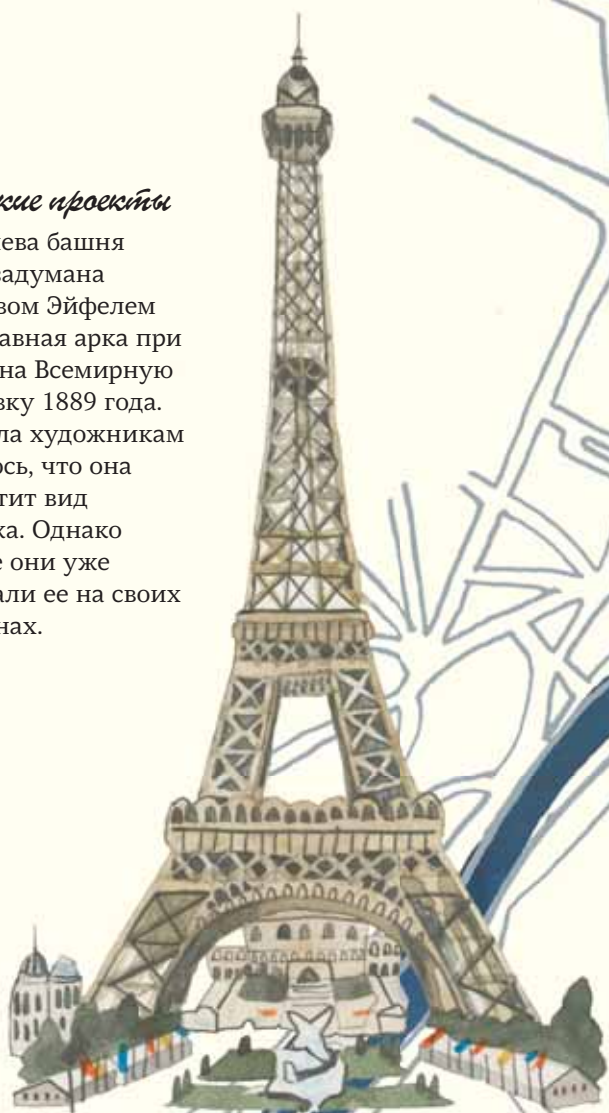
Париж

Франция, конец XIX века

Париж готовился к Всемирной выставке 1889 года, на которой гости из разных стран должны были увидеть достижения французской культуры. Французская промышленность в те времена уступала британской и немецкой, зато Париж был столицей искусства, моды и архитектуры.

Великие проекты

Эйфелева башня была задумана Гюставом Эйфелем как главная арка при входе на Всемирную выставку 1889 года. Сначала художникам казалось, что она испортит вид Парижа. Однако вскоре они уже рисовали ее на своих картинах.

На досуге

Сад Тюильри перед Лувром — большой и красивый городской парк. В конце XIX века это было излюбленное место отдыха парижан. Художники приходили сюда наблюдать повседневную жизнь.

● Эйфелева башня

Вниз по реке

Пересекая Париж, Сена течет на северо-запад и впадает в пролив Ла-Манш. На ее берегах расположены Аржантейль, Живерни и другие живописные предместья Парижа, где любили работать художники-импрессионисты. Они охотно рисовали речные пейзажи.

Богемный квартал

Многие художники, например Моне и Ван Гог, жили и работали в парижском районе Монмартр, где можно было недорого снять комнаты. Они собирались в кофейнях и кабаре. Самое знаменитое кабаре называлось *Le Chat Noir*, или «Черная кошка».

• «Черная кошка»

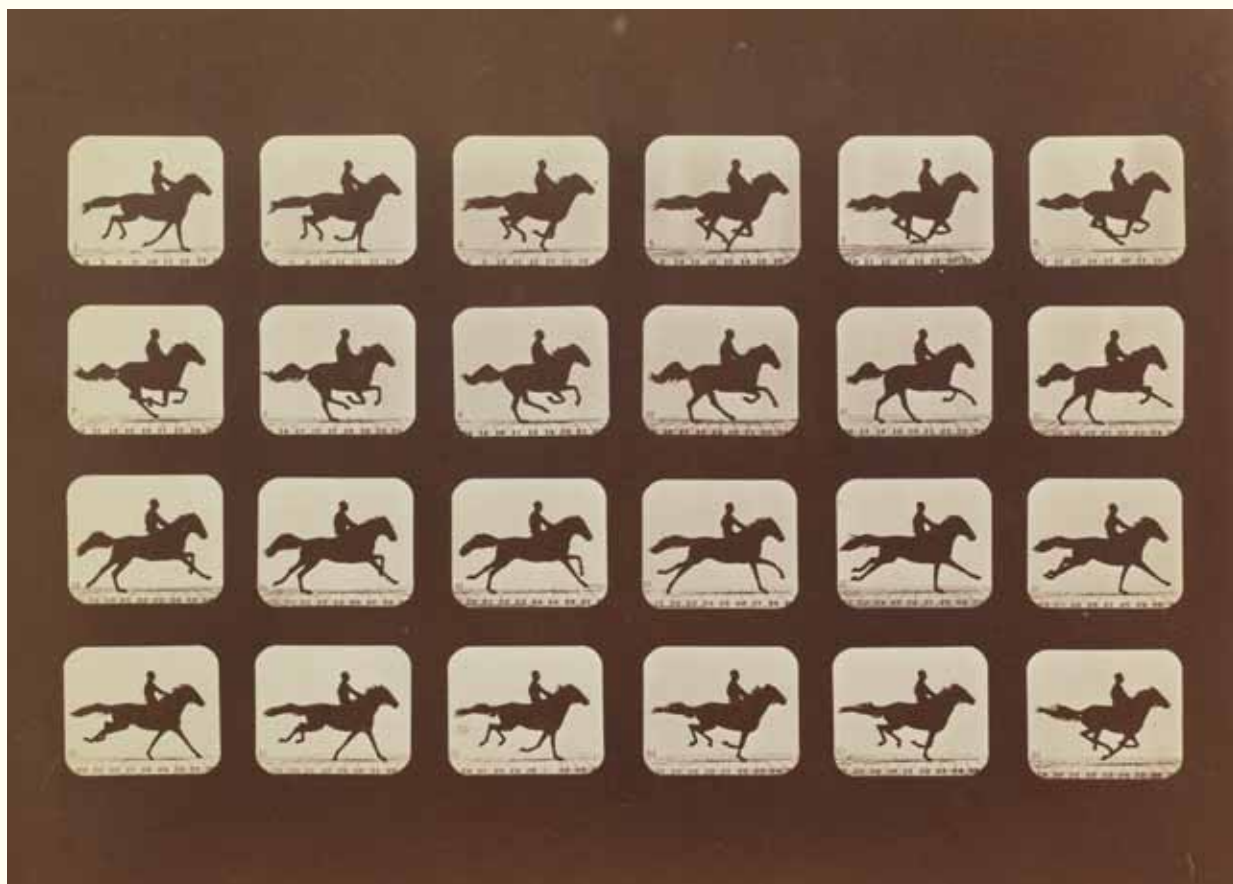
Скульпры и урны

В Лувре — бывшем дворце французских королей — размещена огромная коллекция произведений искусства. Художники приходили сюда, чтобы изучать и копировать шедевры мировой живописи.

Сад Тюильри

Лувр

Эдвард Мейбридж
Лошади в движении
1878

Сфотографиши

Эдвард Мейбридж

— Тпр-ру! Тихо, девочка, тихо! — жокей с трудом успокоил Салли, натянул поводья. Да что это с ней сегодня? Кобыла так и пляшет на месте. Того и гляди сорвется в галоп.

Это все фотограф, мистер Как-его-там. Ишь, разорался! Бородаща у него — прямо куст, медведя спрятать можно. Вечно он машет руками! Да у него еще и пистолет, а Салли не любит оружия. И бородачей тоже не любит.

— Мистер Мабрич, сэр. Кобылка-то напугалась. Эк она от вас шарахнулась!

— Мейбридж! — фотограф взмахнул пистолетом. — Эдвард Мейбридж! Пора бы запомнить!

Эдвард Мейбридж зашагал к беговым дорожкам, где его уже поджидал мистер Стэнфорд. В 1872 году — шесть лет назад — мистер Стэнфорд заказал ему фотографии своего коня Оксидентта. Это были особенные фотографии, какие умел делать только Мейбридж: коня надо было снять на полном скаку. Мейбридж придумал фотокамеру, чей затвор работал гораздо быстрее, чем у других аппаратов. Он мог заснять бегущую лошадь и получить четкий и резкий отпечаток, а не размытое пятно.

Леланд Стэнфорд — бывший губернатор Калифорнии, а теперь любитель искусства и владелец чистокровных лошадей — хотел кое-что выяснить. Есть ли момент, когда все четыре ноги скакуна отрываются от земли? Стэнфорд полагал, что в галопе такое бывает, но до сих пор еще никому не удалось это доказать или опровергнуть. Человеческий глаз не в состоянии ухватить столь

мелкую долю секунды. А вот камере Мейбриджа это оказалось по силам.

Первая фотография скачущего Оксидента наделала немало шума. Выяснилось, что ни один художник или скульптор за всю историю человечества еще ни разу не изобразил лошадь как следует. Кони на картинах, статуях и барельефах скакали очень красиво — но совершенно неправильно. Все без исключения.

Стэнфорд нутром чуял: он ставит на нужного игрока. Этот Мейбридж, эксцентричный английский фотограф с тяжелым и вспыльчивым нравом, найдет способ решить задачу. Стэнфорда восхитили его снимки из долины Йосемити. Еще недавно большинство людей могли полюбоваться дикой природой лишь на огромных картинах Томаса Коула и Фредерика Чёрча. Теперь достаточно было купить альбом фотографий Мейбриджа.

Правда, чтобы сладить с Мейбриджем, нужен большой человек вроде самого Стэнфорда. Несколько лет назад фотограф попал в переделку: вывалился из дилижанса в штате Техас и ударился головой о камень. Наверное, из-за этого и стал такой бешеный. Когда у него в руке пистолет, лучше не подходить.

Жокей поглядел, как Мейбридж и Стэнфорд расхаживают около фотокамер — целых 24 аппарата были расставлены в ряд по краю беговой дорожки! К их затворам крепились специальные нити, проложенные поперек дорожек. На этот раз Мейбридж сделал затворы, которые срабатывали за две тысячных доли секунды. Когда Салли поскачет мимо фотокамер, ее копыта будут бить по нитям и запустят съемку. Щелк-щелк-щелк! Получится 24 кадра с лошадью в разные моменты скачки.

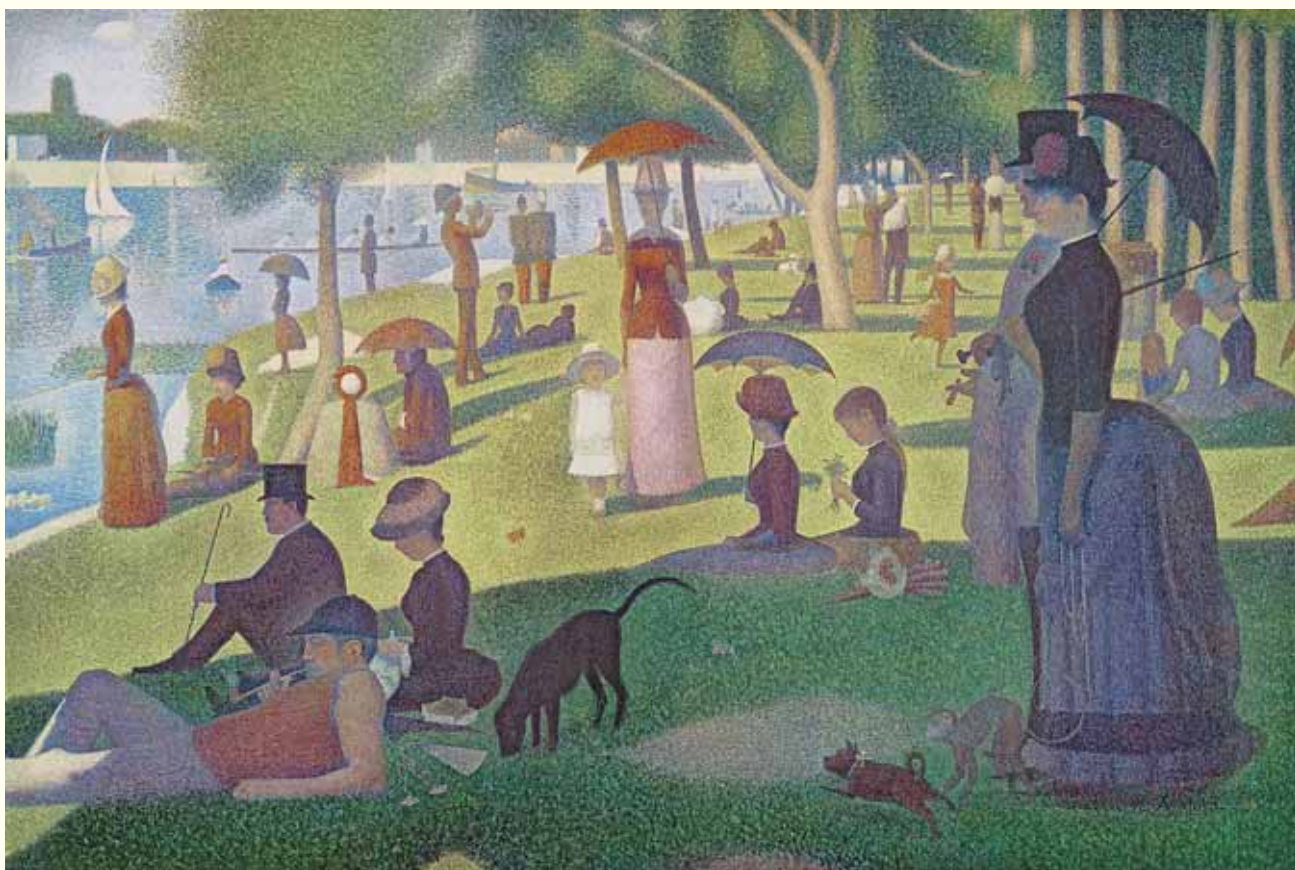
Мейбридж поднял руку с пистолетом. Бах! Салли сорвалась с места. Она неслась как вихрь и не замечала нитей под копытами. Кобыла пролетела всю дорожку в мгновение ока. Стэнфорд добился своего. На фотографиях было отчетливо видно, как движутся ноги скачущей лошади. Временами земли касалось лишь одно копыто, а временами все четыре ноги зависали в воздухе. Кто бы подумал, что можно вот так заснять движение, действие, событие?

С этого дня Мейбридж работал словно заведенный. Он снимал людей: вот они ходят, прыгают, играют в чехарду — снимал любое движение, какое только можно себе вообразить. Он снимал летящих птиц. Конечно же, их крылья в реальности выглядели совсем не так, как на живописных полотнах. Это доказывало: нельзя рассказать целую историю в одной картинке. Чтобы показать, как выглядит лошадь на всем скаку, понадобится много картинок.

Как знать, если бы Мейбридж тогда не выпал из дилижанса, может, ему и не пришли бы в голову все эти штуки? Вскоре его опять озарило. Мейбридж разместил кадры с лошадью по краю круглого стеклянного диска. Диск вставлялся в специальный аппарат, где он прокручивался и в то же время подсвечивался сзади. Свет проецировал картинку на экран. И по экрану скакал черный силуэт коня — первый движущийся образ в мире.

Мейбридж задумался: как же назвать чудо-аппарат? «Волшебная машина для просмотра живых существ в движении»? Ну, это и не выговоришь... Может, «зоопраксископ»? Звучит солидно, более научно. Он покрутил рукоятку — стеклянный диск завертелся, тихонько жужжа. Масляный фонарь внутри проектора потянул наружу желтый луч. В круглом пятне света на белой стене мчался галопом черный призрак лошади.

Жорж Сёра
Воскресный день после полудня на острове Гранд-Жатт
1884–1886

48

Как устроен цвет?

Жорж Сёра

После первого показа в 1874 году выставка импрессионистов стала регулярной, на нее стекалось множество посетителей. В апреле 1879 года в Париже она открылась уже в четвертый раз. Среди молодых художников, которые хотели поглядеть на работы мастеров, был девятнадцатилетний Жорж Сёра. Он учился живописи в Школе изящных искусств. Юноше надоело пыльные древние статуи, которые вечно приходилось рисовать на уроках. Гораздо больше ему нравились яркие, живые полотна импрессионистов. От них как будто веяло летним теплом и свежим ветром.

— Вот это другое дело! — у молодого человека засверкали глаза. — Так и хочется бежать домой и браться за кисть!

Однако прежде чем всерьез заняться искусством, Сёра должен был отслужить во французской армии. Он повсюду брал с собой блокнот и делал зарисовки: портреты солдат, большой порт в Бресте... Конечно, у него не было возможности писать маслом, зато он прочел много книг о живописи, в особенности о цвете.

Через год Сёра вернулся в Париж. Теперь можно было браться за работу. Больше всего ему хотелось опробовать кое-какие мысли насчет цвета. Бывает ли «чистый», беспримесный цвет? Возможен ли он в принципе? Вот, к примеру, красный. Если положить красную рубашку рядом с чем-то синим, а потом — рядом с чем-то зеленым, оттенок красного будто бы меняется. Но ведь рубашка та же самая!

Сёра очень понравились импрессионисты, вот только... понимают ли они природу цвета? Он читал много серьезных книг

на эту тему и пришел к выводу: нельзя просто заявить, что трава зеленая. На самом деле у травы множество красок и оттенков — яркие белые блики; лиловые, синие и черные тени; выгоревшие бурые островки; свежие зеленые стебли; желтые, голубые, розовые звездочки полевых цветов. Это наши глаза и наш мозг обрабатывают картинку и создают впечатление, которое мы передаем словами «зеленая трава». Сёра решил взглянуть на мир под новым, неожиданным углом.

Некоторые друзья считали, что его теории слишком уж сложные и заумные. «Нельзя писать картины, уткнувшись носом в книжку!» — возражали они. Однако в 1884 году Сёра представил работу, которая изумила всех. Это был огромный холст: три метра шириной и два высотой. На картине мужчины и мальчишки загорали на берегу Сены и плескались в воде⁶. Казалось бы, любимый сюжет импрессионистов, и все же... Картина Сёра заметно отличалась от их работ. Художник использовал совершенно новый оригинальный метод, который придумал сам.

Вместо того чтобы смешивать разные краски, а затем окунать кисть в готовую смесь и рисовать ею, он нанес на холст тысячи отдельных точек и пятен разного цвета — белого, розового, голубого, зеленого. И метод сработал! Если подойти к картине вплотную, были различимы все разноцветные мазки. Если отойти на пару шагов, цвета сливались и давали образ солнечного берега, синего летнего неба, знойной дымки над водой.

А Сёра уже работал над новой картиной. Ему хотелось изобразить обыкновенный воскресный полдень на острове Гранд-Жатт посреди Сены. В этот раз он еще больше усложнил себе задачу: писал мельчайшими мазками. Сёра нанес на холст бесчисленное множество ярких точек разных цветов. Получились фигуры изящно одетых дам и господ в тени деревьев, девочка в красном платье, лодка на Сене, обезьянка на поводке. Огромное неподвижное загадочное полотно было переполнено жизнью и движением.

Сёра очень гордился своей новой техникой. Он назвал этот метод «дивизионизмом» — попробуй-ка выговори! Вскоре публика придумала другое название: пуантилизм, от французского слова *point*, «точка». Сёра работал дальше, писал цирковые сценки и морские пейзажи, но кое-кого из его собратьев-художников уже начала утомлять пестрота всех этих мазков и точек.

— Но наши глаза видят цвет именно так! — настаивал Сёра.

— Может, ты и прав, — говорили ему. — Но для наших глаз люди и предметы на твоих картинах кажутся ненастоящими.

Жоржа Сёра это очень задело. Он рассорился с импрессионистами, которыми раньше так восхищался.

И тут случилась беда: в сентябре 1891 года Сёра умер от непонятной болезни, возможно, это была пневмония или сердечный приступ. Ему исполнился только 31 год, но он уже успел основать новое направление в искусстве. После его смерти ни один мастер больше не работал в духе чистого пуантилизма. Но находки Сёра заставили других художников задуматься. «Картина — это набор цветов, красок. Синий, желтый, красный, зеленый — вот наши фортепьянные клавиши, наши гитарные струны. Давайте посмотрим, какие еще мелодии можно на них сыграть!»

Винсент Ван Гог
Звездная ночь
1889

49

Звездная ночь Винсента

Винсент Ван Гог

В дверь постучали. Он услышал голос санитарки:

— Пора спать, господин Ван Гог!

— Одну минуту, — отозвался художник. — Я только допишу письмо брату.

Шаги санитарки затихли в коридоре.

В соседней палате истошно кричит и бьется головой о стену какой-то несчастный. Лечебница для душевнобольных — шумное место, а Винсенту Ван Гогу так нужен покой. Покой! Хорошо, что ему хотя бы разрешили взять с собой начатую картину. Доктора и санитарки, в общем, добры. Они даже радуются, когда он рисует. Сам Ван Гог чувствует: живопись — вот его единственное спасение.

Он отложил перо. Как же хочется спать! Сегодня он проснулся еще до рассвета, выбрался из кровати и подошел к окну. За окном стоял огромный темный кипарис, луна плыла высоко в небе, сияли звезды. С гор дул сильный ветер. Кипарис гнулся, потом выпрямлялся мощным рывком и снова сгибался — раскачивался и кланялся, как живой. По небу летели тонкие перья облаков. Почему бы ему не уйти туда, наверх, к звездам? Глядя в небо, Ван Гог чувствовал себя гораздо ближе к нему, чем к деревянному полу, на котором стоял. Ближе к прошлому, чем к настоящему. Что это там, вдали? Маленькая церквушка его родного города в Голландии? Нет, конечно, нет. Он во Франции. Голландия — это было давно... звезды влетали ему в голову и кружились там, словно мысли.

«Мне 36 лет, — думал Ван Гог, — и я, вероятно, никогда не добьюсь того, к чему стремлюсь и чего мог бы достичь. Но пока есть

у меня силы, я буду рисовать, буду вырабатывать свой стиль. Работа — это лучшее лекарство от недуга».

Он всегда работал: сначала продавал картины, но его уволили. Потом стал проповедником в шахтерском городке, хлопотал за шахтеров, пытался облегчить их тяжелую жизнь. Его снова уволили. Наконец пришло решение: он должен стать художником!

Ван Гог боялся, что из него не выйдет толку. Столько всего надо было узнать, изучить! А где же учиться, как не в Париже? Ван Гог поехал во Францию. Поначалу он рисовал в коричневых, серых и темно-зеленых тонах — словно в мире никогда не светило солнце и никто не смеялся. Яркие краски импрессионистов освежили ему душу. А уж Сёра... Ван Гог просто влюбился в его картины. Цвет пробуждает чувства. Так может, если верно подобрать краски, художник сумеет задеть струны человеческого сердца? Внушить радость, покой, надежду? Ван Гог стал изучать метод и технику Сёра.

Жизнь в Париже была ключом. Ван Гог знакомился с художниками, открывал для себя новые виды искусства, много работал. Но в Париже дело не заладилось. Нужно было двигаться дальше.

Ван Гога завораживали японские гравюры. Художники вроде Хокусая умели изобразить самую обычную бытовую сценку в глубоких насыщенных тонах. Вот бы съездить в Японию! Но Ван Гог был слишком беден... Он решил обойтись югом Франции. В феврале 1888 года он сел в поезд и поехал в город Арль.

Пришла весна, затем лето. Дни напролет Ван Гог бродил по окрестностям и рисовал. Он работал быстро: не маленькими, точечными мазками, как Сёра, а широко, размашисто. Именно такие чувства — восторг, нетерпение — пробуждались в нем при виде подсолнухов с их мощными длинными стеблями и ярко-желтыми

головками. Если поглядеть на подсолнух близко-близко, его горячая желтизна... Нет, это не выразить словами! Но Ван Гог изо всех сил старался передать это ощущение на своих холстах.

Ван Гог скучал по собратьям-художникам — мечтал устроить в Арле общую мастерскую. Для этого он и пригласил к себе Поля Гогена — такого же мечтателя, как он сам. Ван Гог приготовил для него комнату и развесил по стенам свои картины с подсолнухами, чтобы Гоген мог любоваться переливами роскошного желтого цвета. А что потом? А потом два художника будут работать вместе, обмениваясь идеями, подбадривая и вдохновляя друг друга.

Поначалу все шло хорошо. Однако Гоген был человеком самоуверенным и властным — не лучший компаньон для Ван Гога. Горячие споры об искусстве все чаще перерастали в ссоры. Как-то зимним вечером, после особенно бурной и тяжелой сцены, Гоген ушел ночевать в гостиницу, а Ван Гог пришел в такое расстройство, что схватился за бритву. Что было потом — точно никто не знает, но в результате Ван Гог отрезал себе мочку левого уха. «Пора уносить ноги», — решил Гоген и уехал из Арля, не простившись. Оставшись в одиночестве, Ван Гог стал бояться самого себя. Кто знает, что еще он может натворить во время очередного припадка? И вот теперь он в лечебнице для душевнобольных — он приехал сюда сам, по доброй воле. Уж лучше пусть за ним присмотрят доктора...

Ван Гог слишком устал и не смог закончить письма. Он пытался передать то, что чувствовал ночью, глядя на звезды. Но разве могут слова выразить душу?.. Нет. Уж лучше он нарисует. Решено: завтра он нарисует звездную ночь.

Катима Клодель
Волна
1897

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)